

Ассоциации осуществили и контроль за выполнением планов научно-исследовательских работ. Показательно в этом отношении сообщение, помещенное на страницах «Сорены» в июне 1933 г., в котором говорилось о том, что президиум химической ассоциации рассмотрел итоги деятельности Кулундинской соляной экспедиции АН СССР за 1931—1932 гг. Одобрив проделанную большую работу по выявлению содержания в озерах Кулундинской стени сульфита, соды, поваренной соли, брома, хлористого магния, президиум ассоциации обратился к Академии наук с просьбой «уделить возможно большее внимание» исследованию выявленных запасов и их промышленному освоению.⁵⁰

Деятельность ассоциаций продолжалась до 4 октября 1936 г., когда приказом по НКТП СССР они были упразднены.⁵¹ Причины их ликвидации не рассматривались «Сореной». В этой связи можно лишь предположить, что с созданием в 1935 г. Отделения технических наук АН СССР и развертыванием его деятельности надобность в таких координационных организациях, какими являлись ассоциации, отпала.

Таким образом, анализ содержания «Сорены» за 1931—1936 гг. позволяет говорить об этом издании как о чрезвычайно важном и интересном источнике по истории организации прикладных научных исследований в системе ВСНХ—Наркомтяжпрома СССР.

Н. Б. ЛЕБИНА

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ 20—30-х гг.

Интерес советских историков к психологическому анализу событий прошлого развивается крайне неравномерно. Сейчас становится очевидным, что спады и подъемы исследовательского внимания к социальной психологии связаны с периодами нарастания и торможения процесса демократизации общества. Происходящее ныне духовное обновление требует углубленного осмысления общественных явлений и социально-психологических процессов. Это во многом относится к периоду 20—30-х гг., нравственная атмосфера которого до сих пор определяет развитие нашей страны. Трудности, которые сегодня испытывает наша экономика, во многом объясняются особенностями социального облика основных классов и слоев социалистического общества, и прежде всего рабочего класса. Особая психология труда, политической жизни, быта людей, сформировавшихся в 20—30-е гг., оказалась весьма стойкой и одновременно не при-

⁵⁰ А. К. Из работ химической ассоциации ЦНИС НКТП // Сорени. 1933. Вып. 1. С. 170—171.

⁵¹ Сорени. 1936. Вып. 9. С. 133.

способленной для решения задач научно-технического прогресса, для создания истинно демократического государства. В связи с этим чрезвычайно важным представляется изучение социально-психологических черт рабочего класса 20—30-х гг. в их полноте и многообразии.

Большое значение для оценки социально-психологического климата тех лет имеет исследование психологии молодого поколения рабочего класса. Известно, что период молодости играет особую роль как в судьбе отдельной личности, так и целого поколения социальной группы, класса. Изучение психологических установок молодежи может помочь объяснить многие исторические явления и феномены: становление и укрепление культа личности, административно-командной системы управления, ударничества и стачаческого движения и т. д.

Воссоздание социально-психологического портрета молодежи 20—30-х гг. требует определения корпуса источников, обладающих необходимой информацией о чувствах, интересах, настроениях, привычках и мотивах деятельности. Социальная психология имеет собственные методы сбора информации и изучения явлений: наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, психологический анализ документов. Последний метод во многом сближает социальную психологию и историю, для которой письменный источник является наиболее традиционным и легкодоступным для обработки.

Практически все письменные памятники — законодательные акты, периодическая печать, статистические публикации — свидетельствуют об элементах духовного развития общества.¹ И все же значительно рельефнее, чем в документах официального характера, имеющих, как правило, определенную устоявшуюся форму изложения и даже лексику, характеристики психологического поведения людей проявляются в источниках личного происхождения.

Ведущей группой нарративных документов традиционно принято считать воспоминания. Обширной информацией о различных сторонах жизни рабочей молодежи, о проявлениях ее социальной психологии обладают мемуары и автобиографические записи деятелей комсомола, вышедших из рабочей среды, представителей интеллигенции, руководителей производства, военных, начинавших свой трудовой путь на фабриках и заводах, и, наконец, рабочих, до конца жизни не изменивших своего социального положения.

Безусловно, при изучении любой темы использование воспоминаний требует особенно тщательного критического анализа. Но значительно большую трудность испытывает историк, стремящийся извлечь из этого вида источников сведения о социально-психологических чертах молодого поколения. Сочинения мемуарного характера пишутся обычно в зрелом возрасте, что объясняет определенное смещение акцентов. Идеализированное восприятие юности — свойство, характерное для любых воспоминаний. С годами собственная роль

¹ Подробнее см.: *Соболев Г. Л. Источниковедение и социально-психологические исследования эпохи Октября // История и психология. М., 1971. С. 231.*

в событиях кажется более значительной, а оценка окружающего становится мягче, приспособленнее к политической конъюнктуре. Этим особенно страдают воспоминания бывших комсомольских вожаков. Характерным примером являются мемуары П. И. Усанова, одного из первых петроградских комсомольцев, рабочего парелька, возглавлявшего в 1920—1922 гг. Васильевостровскую организацию РКСМ. К счастью, в распоряжении исследователей имеется не только книга П. И. Усанова, вышедшая в 1978 г., но и публикация его воспоминаний в сборнике «Молодежь и революция», изданном в Ленинграде в 1931 г., и стенограмма его выступления на вечере, посвященном 10-летию подавления Кронштадтского мятежа.² В стенограмме и в первой публикации воспоминаний явно чувствуется, что большинство молодежи заводов Васильевского острова примкнуло к «воляшникам». Вот как, например, в 1931 г. описывал П. И. Усанов обстановку на Трубочном заводе: «Молодежь на Трубочном заводе была настроена наиболее скверно. Собрание коллектива комсомола, на котором присутствовали я и Ефимов, было бурным. Тов. Ефимова забросали гайками и привязали к стулу».³

В издании воспоминаний П. И. Усанова в 1978 г. этот же сюжет имеет несколько иную политическую окраску: «Некоторые комсомольцы под влиянием меньшевиков и эсеров, затевали бузу и принимали участие в „волянке“. Помню комсомольское собрание на Трубочном заводе. . . Мы созвали это собрание, чтобы мобилизовать всех оставшихся на заводе комсомольцев в помощь партийной организации для борьбы с продолжающейся „волянкой“. Пока я делал доклад о созданном положении и задачах комсомольцев, пришедшего со мной члена райкома Петра Ефимова привязали к стулу. Из задних рядов в меня бросали гайки, и это уже не походило на невинное озорство. . . Хотя в большинстве своем комсомольцы твердо следовали большевистской линии, все же было тяжело и больно видеть, что в такой момент и наших рядах появились отступления».⁴

Сравнение текстов показывает, как меняется позиция автора. В 1931 г. 28-летнему П. И. Усанову и в голову бы не пришло оценивать «волянку» как озорство. Это уже взгляд взрослого, умудренного опытом жизни человека. Психологическая установка молодого человека была более непримиримой, что, конечно, больше соответствует истине.

Значительная переоценка событий, явлений, настроений происходит с изменением положения человека в обществе, ростом его общеобразовательного уровня. Социальные перемены — явление довольно типичное для судеб молодого поколения 20—30-х гг. — не могли не сказаться на корректировке психологического подхода ко многим фактам истории. В распоряжении исследователей имеются воспоминания видных деятелей науки, искусства, военачальников,

² Усанов П. И. 1) Райком всегда открыт. Л., 1978; 2) В дни волянки и Кронштадтского мятежа // Молодежь и революция. Л., 1931. № 1. С. 80—85; ДИА (Ленинградский партийный архив), ф. К-691, оп. 1, д. 80, л. 51—56.

³ ДИА, ф. К-691, оп. 1, д. 80, л. 53. Молодежь и революция. Л., 1931. № 1. С. 82.

⁴ Усанов П. И. Райком всегда открыт. С. 299.

изобретателей, чья молодость прошла в среде рабочего класса в 20—30-х гг.⁴ Их авторы, сознание и мировоззрение которых сформировалось в большей степени под влиянием новой профессии, чем рабочей среды, естественно, посвящают внимание тем событиям и фактам, которые уже в юности определили их судьбу. Так, например, народный артист СССР Н. А. Кривчиков, работавший в 20-е гг. на «Трехгорной мануфактуре», в главах своих воспоминаний, рассказывающих о годах юности, ничего не пишет ни о специфике труда на текстильном предприятии, ни о размерах заработной платы подростков, ни об идеологическом противоборстве сторонников и противников троцкизма, «новой оппозиции», «левых» и «правых». Самые сильные впечатления юности — рабочая самодеятельность. Эти воспоминания свидетельствуют в основном о развитии советского театрального искусства, активной политизации и идеологизации театра. Особенности реакции, психологического настроя рабочей молодежи извлечь из источников такого рода практически невозможно.

Значительно больше информации дают воспоминания рабочих и их автобиографические записки. Безусловно, и здесь проявляются характерные для мемуаристики в целом черты. Но постоянное обращение в рабочей среде на протяжении всей жизни, как правило, позволяет сохранить представления и психологические установки, свойственные юности. Состояние завроженности волной рекордов второй половины 30-х гг. ярко отражают мемуары В. Я. Карасева, И. И. Гудова и К. В. Гонорушина.⁵ Свообразную психологическую атмосферу стахановского движения передают и автобиографические записки 30-х гг.⁶ Они свидетельствуют о социальном настроении определенной группы молодых рабочих, можно сказать, элитном слое, формирование которого, впрочем, осуществлялось довольно демократично. Следует отметить, что этот слой был действительно захвачен процессом усовершенствования методов труда на производстве. Автобиографические записки, сделанные в 30-е гг., в большей степени, чем воспоминания, написанные позднее, демонстрируют неоднозначность мотивов, побудивших молодых людей к внедрению стахановских методов работы.⁷ В 30-е гг. рабочие без стеснения

⁴ См., например: *Кривчиков Н. А. Чем жил человек*. М., 1987; *Ракин В. И. В авиации моя жизнь*. Л., 1988; *Попович В. И. Накануне и в дни испытаний*. М., 1988, и др.

⁵ *Карасев В. Я. Страницы жизни*. Л., 1967; *Гудов И. И. Путь рабочего*. М., 1974; *Гонорушин К. В. За Нарвской заставой*. М., 1975.

⁶ *Рассказы о социалистическом мастерстве*. М., 1936; *Гудов И. И. Путь стахановца: Рассказ о моей жизни*. М., 1936; *Валкина С. А. Моя жизнь и работа*. Новосибирск, 1938; *Буцегин А. Х. Жизнь моя и моих друзей*. М., 1938; *Милай М. Записки сталевара*. М., 1940.

⁷ Процесс идеологического обнуления общества позволил наконец шире взглянуть и на такое каноническое понятие советской истории, как «стахановское движение», организатором которого явились партийные функционеры, в частности парторг ЦК ВКП(б) К. Г. Петров. Данная статья не преследует цели раскрыть суть рекордов 30-х гг., но все же следует упомянуть, что в марте 1935 г. Г. К. Орджоникидзе подписал приказ о пересмотре норм выработки в тяжелой промышленности, но выполнить этот приказ не удалось. (Индустриализация СССР, 1933—1937 гг.: Документы и материалы. М., 1971. С. 284—285). Для реализации идеи поощрились яркие примеры, которыми по сути и стали стахановцы.

писали о том, что новаторство способствовало повышению материального благосостояния. А. Х. Бусыгин отмечал в своей автобиографической книге: «Зарабатывать много было почетно. Каждый понимал — раз человек заработал, следовательно, он хорошо, по-стахановски работал».⁹ Анализ автобиографических записей 30-х гг. дает возможность сделать вывод о том, что социалистическая целеустремленность масс — психологическое состояние, выявленное психологами 30-х гг.,¹⁰ — зиждется на вполне реальной материальной основе. Таких сведений, увы, не дают выходящие издания воспоминаний, увидевшие свет в 60—70-х гг.

Близкими по информационной насыщенности к автобиографии и носящими в определенной степени характер источников личного происхождения являются материалы столь популярной во второй половине 30-х гг. социалистической передовиков производства.¹¹ Так, стенограммы выступлений молодых рабочих на совещании в Москве в ЦК ВЛКСМ в январе 1938 г. значительно расширяют представление о психологическом настроении молодежи по отношению к стахановцам. Сравнение этих материалов со стенограммой Первого совещания рабочих и работников-стахановцев позволяет заметить, что молодежь, думается, как и взрослые рабочие, убедилась в преднамеренном формировании привилегированного слоя в среде труженников промышленного производства. В выступлениях молодых производственников на совещании 1938 г. уже звучат не только восторги по поводу трудовых рекордов, но и нотки сомнения в необходимости отдельных передовиков на фоне общего отставания цехов и заводов. Эти идеи выдвигаются и основным молодыми рабочими, возглавлявшими комсомольские организации предприятий и соприкасавшимися с широкими массами молодежи. Сами же стахановцы, прочно вошедшие в элитную группу в среде рабочих, как правило, уже приобретали психологию людей, более склонных требовать, нежели жертвовать для общего блага. Так, М. Н. Мазай сурово упрекал комсомольские организации за то, что они «не взялись за улучшение жилищных условий стахановцев». Стахановка из Иваново З. Д. Сооруженко считала, что классовые враги «не давали возможности продвижения лучших стахановцев на руководящую работу».¹²

Это была своеобразная сфера мобилизации внутренних ресурсов, духовного и физического потенциала рабочих. Не следует также забывать, что труд по-стахановски активно стимулировался материально. В постановлении парткома шахты «Центральная — Ирмино» от 31 августа 1935 г. (рекорд был совершен в ночь с 30 на 31 августа) указывалось: «Выдать ему (Стаханову, — Н. Л.) премию в размере месячного оклада жилищных. К 3 сентября предоставить тот. Стаханову квартиру из числа квартир технического персонала, установить в ней телефон . . . за счет шахты оборудовать тот. Стаханову квартиру всем необходимым и мягкой мебелью . . . выдать для Стаханова семейную путевку на курорт. С 1 сентября выделить в клубе два имениных места Стаханову с женой на все кино, спектакли, всевозможные вечера» (Прил. 1987, 26 июля).

⁹ Бусыгин А. Х. Жизнь моя и моих друзей. С. 28—29.

¹⁰ Стенографический отчет I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека. М., Л., 1930. С. 124.

¹¹ См.: Первое совещание рабочих и работников-стахановцев. М., 1935; Совещание молодых стахановцев в ЦК ВЛКСМ 4—7 января 1938 г. М., 1938.

¹² Совещание молодых стахановцев в ЦК ВЛКСМ 4—7 января 1938 г. С. 23, 28.

Таким образом, сравнивая содержание выступлений, можно сделать вывод о наличии различных социально-психологических оценок стахановского движения в среде рабочей молодежи. Стахановец в том виде, в каком этот социальный тип формировался в 30-е гг., отнюдь не был личностью типичной. Он был как бы эталоном нового человека согласно представлениям государственной системы того времени. Он жил в иных материально-бытовых условиях, подчинялся иным законам на производстве, общался с иным кругом людей. Естественно, что и психология молодого стахановца и среднего рядового рабочего отличалась. Это обстоятельство, вероятно, следует учитывать при экстраполяции выводов, сделанных на основе анализа автобиографий, мемуаров, стенографических выступлений передовиков, на всю массу молодежи фабрик и заводов.

Еще одну группу документов личного происхождения, позволяющих получить информацию о психологии рабочей молодежи, составляют популярные в конце 20-х — начале 30-х гг. стенограммы вечеров воспоминаний. Их особенности подробно рассмотрены в статье А. В. Смолкина.¹³ Автор справедливо отмечает, что воспоминания комсомольцев, молодых людей «весьма специфичны, так как их авторы участвовали в крупнейших исторических событиях в юном возрасте, когда скорее воспринимаются внешние, наиболее яркие стороны социальных явлений, чем их суть».¹⁴ Но для исследователя, пытающегося выявить социальные настроения, эмоциональную окраску событий, в этом, как представляется, и состоит ценность данного источника.

Ряд архивохранилищ, в том числе Ленинградский партийный архив, имеют в своих фондах неопубликованные материалы вечеров воспоминаний, посвященных в основном событиям политического характера: пятидесятилетие образования ленинградского комсомола, десятилетие XIV съезда ВКП(б). Стенограммы сохранили своеобразные стили мышления молодежи, неповторимый лексический строй ее речи. Авторами воспоминаний, как правило, являлись сравнительно молодые люди не старше 30—35 лет, память которых была еще свежа. Неизменным оставалось их социальное положение, а зачастую и объем знаний. Благодаря этому стенограммы с наибольшей точностью передают особенности социального настроения рабочей молодежи, отражают своеобразие восприятия молодыми людьми разнообразных сторон общественно-политической жизни и, в частности, устойчивую психологическую ориентацию подрастающего поколения 20-х, а затем и 30-х гг. на возвышение личности политического лидера.

Эти документы иллюстрируют сложный психологический перелом, который пришлось пережить многим молодым рабочим в дни XIV съезда, когда партийные, советские и комсомольские руководители Ленинграда встали на путь борьбы с линией ЦК ВКП(б). Воспоминания свидетельствуют, что большинству молодежи совершенно

¹³ Смолкин А. В. Стенограммы вечеров воспоминаний как исторический источник // ВИД. Л., 1985. Вып. XVI. С. 245—254.

¹⁴ Там же. С. 250.

не разбирались и содержания дискуссии, развернувшейся на съезде. Суть сомнений молодых людей заключалась лишь в следующем: кто прав — большинство или меньшинство? Г. Е. Зиновьев — основной оппонент ЦК в представлении масс — пользовался, как большинство лидеров первых лет революции, значительным авторитетом среди молодежи, в особенности ленинградской. Вполне естественно, что в ходе дискуссий конца 1924 — начала 1925 г. верхушка ленинградской комсомольской организации выступила с активной поддержкой линии Г. Е. Зиновьева. Рядовые же комсомольцы и фабрично-заводская молодежь, судя по материалам неопубликованных воспоминаний, в основной массе практически сразу после обнародования документов XIV съезда поддержали большинство ЦК, но в их душах гнездились сомнения: «Как могло произойти это с таким большим человеком, как Зиновьев, как он не может понять то, что понимает большинство?»;¹⁵ «Зиновьев — старый коммунист, он даже с Лениным работал. Я считаю, что вы все-таки напрасно про него говорите».¹⁶

Конечно, воспоминания такого рода весьма немногочисленны, но даже здесь можно увидеть, как болезненно поколение молодежи, уровень социально-психологического развития которой был не слишком высок, переживало вынужденный отказ от преданности определенному политическому лидеру, конкретному авторитету. Стремление к персонализации идей, к выделению конкретного лица в качестве носителя прогрессивного начала — эта черта психологического облика рабочей молодежи 20-х гг., развитая и гипертрофированная последующим поколением, отчетливо проявляется в неопубликованных стенограммах вечеров воспоминаний 30-х гг.

Огромную ценность с точки зрения выявления особенностей психологической ориентации молодых людей представляют дневники. Иданные дневниковые записи молодых рабочих — огромная редкость, хотя молодость — это именно тот возраст, когда чаще всего люди стремятся писать дневники. Психологи довольно часто прибегают к анализу дневников юношей и девушек.¹⁷ Интересная попытка составить портрет молодого поколения по материалам личного происхождения была предпринята в конце 20-х гг. педагогом и психологом М. М. Рубинштейном. В его книге полностью опубликован дневник московской работницы. Записи производились в течение 1924—1925 гг. в возрасте примерно 15—17 лет. К сожалению, рукописный подлинник обнаружить не удалось. Остается только верить М. М. Рубинштейну, что он перепечатал материал полностью, сохранив лексику и убрав лишь подлинные имена, поэтому данный источник довольно уязвим с информативной точки зрения. И все же ценность его для изучения социальной психологии рабочей молодежи неоспорима, тем более что имеется возможность сравнить этот мате-

¹⁵ ЛПА, ф. 1000, оп. 6, д. 425, л. 8.

¹⁶ Там же, л. 12.

¹⁷ См., например: Кол Н. С. 1) Какими они себя видят. М., 1975; 2) От четырнадцати до восемнадцати: Психологический очерк // Звезда. 1978. № 4. С. 125—156.

риал с дневником, найденным в фондах Ленинградского партийного архива и принадлежащим одному из активистов ленинградского комсомола М. Тужилкину.

Сопоставление этих двух источников позволяет заметить прежде всего различие в психологии юноши и девушки. Дневник молодой работницы, родители которой были мелкими служащими, отличается большей интимностью, это по сути анализ собственных чувств, разговор с собой и о себе. Даже общественно-политические события в дневнике рассматриваются через призму сугубо личных переживаний. Много места уделено поиску смысла существования, мыслям о смерти, что является типичной чертой юношеского философствования. Девушка подмечает необратимость времени и одновременно беспомощность собственного «я». ¹⁶ Остро переживает они и свои отстраненность от той части молодежи, которая находится в гуще событий: «Сегодня я видела одну девушку, подстриженную, в кожаной куртке, от нее веяло молодостью, верой, она готова к борьбе с лишениями, она весело смеялась и беспечно встряхивала волосами; столько жизни в этой комсомолке, что захотелось многое почерпнуть для себя. . .». ¹⁷ Но, вероятно, далеко не каждый молодой человек мог легко и просто воспринять новый стиль жизни. Автор дневника на одной странице делает запись о «чуждой цели жизни — приносить пользу человечеству», а чуть позже — о своем добровольном выходе из комсомола, так как, она, по ее собственным словам, «не комсомолка, а одно недоразумение». ¹⁸ Думается, что дневник московской работницы может послужить источником для попытки выявления в социально-психологических характеристиках рабочей молодежи 20-х гг. черт, типичных для подрастающего поколения любой эпохи, — недонольность собой, повышенная ранимость, стремление к открытию своего внутреннего мира.

Совершенно иную картину создают дневниковые записи марта 1921 г., принадлежащие комсомольскому активисту, члену губкома РКСМ в 1921 г. М. Тужилкину. Ему 19 лет, он окончил 5 классов гимназии. Уровень образования, таким образом, у авторов двух дневников совпал. Однако записи М. Тужилкина резко отличаются свойственной именно для дневников юношей предметностью и конкретностью. Документ насыщен сведениями о быте комсомольцев и рабочей молодежи в дни Кроунгадского мятежа. Много данных о голоде в Петрограде, о мероприятиях комсомола по борьбе с «во-лынками», о мобилизации сил против мятежников. ¹⁹ С психологической точки зрения интересны в основном крайне редкие авторские оценки настроения среди верхушки комсомольской организации: «А подъем какой! Но не ломкий, горячечный! А уверенное воодушевление, дающее ребятам на предприятиях столько энергии!». ²⁰ Лю-

¹⁶ Рубинштейн М. М. Юность по дневникам и автобиографическим записям М., 1928. С. 244.

¹⁷ Там же. С. 234.

¹⁸ Там же. С. 210, 212.

¹⁹ ЛНА, ф. К-601, оп. 1, л. 62б, л. 7.

²⁰ Там же, л. 8.

бопытны замечания автора о темпераменте возглавивших комсомольские отряды рабочих паренек, у которых явно ощущается стремление к лидерству и самошластике: «Звонок. Говорит Лукин (представитель комсомола одного из районов гор. д. — *Н. Л.*), кричит, на каком основании я взял у него половину отряда. Я Лукина знаю. Парень он горячий и даже очень. Скоро прибежал в ПК и стал орать во всю глотку. А горячки, огня сколько! Сцепились. Чуть было за револьверы не схватились».²³

Темпераментность, максимализм, бескомпромиссность, отсутствие сомнений — эти психологические качества части рабочей молодежи, поднявшейся на революционной волне, отчетливо прослеживаются по записям М. Тужилкина. Сравнение двух разных по характеру дневников позволяет, как представляется, сделать вывод о специфике психологического настроя различных слоев в среде молодежи — верхушки, приближенной к руководству, и рядовой массы.

Еще одну группу источников личного происхождения составляют письма. Г. Л. Соболев отмечает, что документы этого характера, «несмотря на всю их значимость, еще не стали предметом тщательного анализа историков»,²⁴ что объясняется прежде всего отсутствием компактных публикаций. Письма молодых рабочих публикуются еще реже, чем личные другие. К числу специальных сборников эпистолярных документов, характеризующих облик молодежи, можно отнести лишь издания «Письма славы и бессмертия» и «Сердцем и именем».²⁵ Тем не менее практически во всех публикациях, посвященных комсомолу, имеются те или иные письма молодых рабочих, хотя они, как правило, немногочисленны. Так, в сборнике «Марш ударных бригад» приведено более 400 различных материалов, свидетельствующих о жизни молодежи нашей страны в 20—30-е гг., но среди них всего лишь 36 писем.²⁶ Еще меньше эпистолярных документов публикуется в изданиях, посвященных местным комсомольским организациям. Например, в сборнике «Комсомольцы и молодежь Ивановской области в годы строительства социализма. 1921—1940 гг.» письма не составляют и одной двадцатой от всего количества материалов.²⁷

Как правило, опубликованные письма носят характер обращений групп молодежи. В сборнике «Марш ударных бригад» индивидуальных писем всего 9, причем все они направлены либо в комсомольские организации, либо в редакции газет. Документы эти наполнены энтузиазмом, лишены каких-либо элементов сомнения и самоанализа, проникнуты предчувствием близкого завершения грандиозных

²³ Там же, л. 3—4.

²⁴ Соболев Г. Л. Историко-психологическое исследование эпохи Октября. С. 234.

²⁵ Письма славы и бессмертия. М., 1966; Сердцем и именем: Письма молодежи к В. И. Ленину. М., 1968.

²⁶ Марш ударных бригад: Молодежь в годы восстановления народного хозяйства и социалистического строительства. 1921—1941. М., 1965.

²⁷ Комсомольцы и молодежь Ивановской области в годы строительства социализма. 1921—1940. Иваново, 1967.

задач социалистического строительства, ради которого можно временно напрячь силы. Пожалуй, это опять-таки типичные для юности в целом черты. Накануне своей гибели ивановский комсомолец Г. Фейгин пишет: «Кронштадт будем брать на днях, и я... „горло подружив красное знамя“ на крепостных стенах Кронштадта, вернусь очень скоро в Иваново».²⁸ В 1929 г. москвич К. Лянгузов, приехавший на строительство тракторного завода в Сталинград, сообщает друзьям: «Строят этот город безусые мальчишки вроде меня и моих орлят из бригады». Далее выясняется, что живут «орлята» в бараках, где по щиколотку воды, имеют одно одеяло на бригаду, но это мелочи жизни.

Ожидание счастья, очень близких перемен — вероятно, это психологическое состояние многих молодых рабочих 20—30-х гг. Этим же чувством проникнуто и письмо комсомольца — рабочего завода «Динамо» — в редакцию газеты «Мотор». Юноша приехал в деревню для осуществления коллективизации, он уверен, что «скоро наступит конец мелкому, распыленному крестьянскому двору».²⁹

Тщательно воспитываемая в среде молодежи неколебимая уверенность в скором осуществлении мечты о всеобщем благе для трудящихся особенно ярко ощущается в письмах юношей и девушек 30-х гг., опубликованных в газетах. В дни обсуждения и принятия Конституции 1936 г. в «Комсомольскую правду» шло множество корреспонденций, проникнутых чувствами почти детской уверенности в таком недалеком и прекрасном будущем. Думается, поколению молодежи 20-х и в особенности 30-х гг. был во многом свойствен некий бездумный оптимизм, вера во всеобщее благоденствие, на фоне которого жизнь отдельного конкретного человека не имела ни высокой цены, ни значительного смысла. Одна великая цель по сути не позволяла задумываться об индивидуальном. Но это была не присущая для юности в целом беспечная надежда на личное бессмертие, а фанатическая вера в прочное всеобщее, одинаковое для всех счастье, полученное из рук лидера, вождя. «В своих мечтах я вижу чрезвычайный съезд Советов мира, — пишет молодой рабочий Кировского завода Е. Солоньен в письме, опубликованном «Комсомольской правдой» в ноябре 1936 г., — счастливые народы всего земного шара, получившие Конституцию освобожденного человечества, с благодарностью произносят имя того, кто станет творцом этой Конституции, — имя великого вождя народов тов. Сталина».³⁰

Страницы молодежных газет конца 30-х гг. пестрят письмами молодых рабочих, проникнутых уверенностью в правильности политики Советского правительства того времени, в непогрешимости И. В. Сталина как вождя, как защитника интересов молодежи. Это послания, написанные от имени 7000 18-летних избирателей г. Сталиногорска пятью лучшими комсомольцами.³¹ Письма стахановцев

²⁸ Марш ударных бригад. С. 14.

²⁹ Там же. С. 235.

³⁰ Комсомольская правда. 1936. 25 ноября.

³¹ Там же. 7 ноября.

электрокомбината имени В. В. Куйбышева и поддержку процессов над Г. Е. Зиновьевым, Л. Б. Каменевым и другими с фотографией многочисленных подписей.²² Показательным является и письмо сverdловской работницы, стяхановки, комсомолки, депутата Верховного Совета СССР Г. Раневой по поводу процесса над Н. И. Пятаковым, К. Б. Радеком и другими в январе 1937 г.: «Я вижу этих гадов. Их и людьми-то нельзя назвать. Моя мать колхозница, живет в деревне в достатке. Брат и сестра оба учатся. Сама я закончила семилетку и фабзавуч. Работаю слесарем. Зарабатываю 700 рублей. Недавно мне дали комнату в новом доме. Готовлюсь я в вуз. Через месяц поеду на курорт. Сижу я и думаю: ведь ничего бы не было, если бы удались кровавые замыслы Троцкого».²³

Письмо это свидетельствует о многом, и не только о том, что значительная часть молодежи, как, впрочем, и всего населения, легко и просто приняла навязываемый ей образ врага. Явление суггестии здесь неоспоримо. Не случайно крупнейшие русские и советские психологи подчеркивали, что суггестия в среде молодежи распространяется скорее, чем в среде взрослых, что она легче захватывает группу, чем одиночку, и наиболее эффективна при словесном воздействии.²⁴ Принадлежность молодого человека к определенной группе предопределяла его восприимчивость к внушению идей, и чем сплоченнее и элитарнее была эта группа, тем тверже усваивались истины и постулаты.

Черты групповой психологии ярко выступают и в неопубликованных письмах молодежи. Следует отметить, что встречаются они в архивах довольно редко и носят чаще всего характер просьб, а скорее, даже заявлений о предоставлении работы, материальной помощи, выдвинуты на учебу. Отложенные в архивохранилищах, эти документы особенно ценны, так как сохранили не только особенности стиля, но и орфографию. Они написаны от руки, что безусловно повышает их информационную ценность. Американский физик С. Гаудсмит, занимаясь историей науки, отмечал, что старые письма служат одним из наиболее надежных источников. «Письма, написанные рукой, — подчеркивал С. Гаудсмит, — более откровенны и написаны без стеснения. Письма, написанные... на машинке, рассчитаны на более широкую публику и поэтому особенно тщательно обдуманы авторами».²⁵

Подсознательная тяга к определению своего места в социально-политической структуре, стремление войти в те слои, положение которых уже в середине 20-х гг. становилось более прочным, более определенным, отчетливо проявляются в письмах молодых людей.

²² Там же. 20, 21 августа.

²³ Там же. 1937. 28 января.

²⁴ См.: Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1918; Кудряков В. И. Вопросы психологии внушения в общественной жизни // Проблемы общественной психологии. М., 1965. С. 56—68; Поршнев Б. Ф. Контрсуггестия и история // История и психология. М., 1971. С. 11—46.

²⁵ Гаудсмит С. Открытие спина электронов // Успехи физических наук. 1967. Т. 43. № 1. С. 157.

Отчасти это выражение столь перевозимого чувства коллективизма, которое присуще социальной психологии рабочего класса в целом. Но одновременно не следует забывать, что низкий уровень развития социально-экономической системы, трудности материального и общественно-политического характера заставляли людей интенсивнее стремиться к объединению как средству разрешения многих проблем. Коллективы, общности, возникающие на почве нужды и дающие привилегии экономического или политического характера, особенно благоприятны для индoлoгoизации личности, развития конформизма.

Не секрет, что государство диктатуры пролетариата в первую очередь считало своим долгом защиту интересов рабочего класса. В начале 20-х гг. в условиях безработицы пролетарские прохождения, а в особенности членство в рядах комсомола, могло помочь получить желаемое место на производстве.³⁶ Принадлежность к комсомолу в конце 20-х — начале 30-х гг. давала преимущества при отправки на ударную стройку, где, кстати, заработная плата была на 20—30 % выше, чем в целом в промышленности.³⁷ Таким образом, членство в комсомоле в определенной степени могло сыграть роль в улучшении материального положения молодых людей, ускорить их продвижение по квалификационно-социальной лестнице.

Неопубликованные письма молодых людей особенно ярко передают психологический настрой на ускоренное включение в социально-политические группировки. Прослеживаются в документах энистoлoгoического характера и черты конформизма, столь несвойственного психологии молодежи, воспринимавшейся в благоприятной обстановке. Например, 17-летний безработный, сын бывшего священнослужителя, в письме Ем. Ярославскому пишет в 1924 г.: «Под воздействием антирелигиозной пропаганды и перестал верить в бога. Учился в школе II ступени, работал на заводе. Во время Ленинского набора чувствовал себя политически подготовленным, чтобы быть комсомольцем. Но... в РКСМ меня не приняли, отговариваясь тем, что отец мой поп и я буду изменником делу рабочего класса. Это мне страшно горько стало. Чем же я-то виноват, что отец поп. У нас с ним разные взгляды, и я так страстно желаю вырваться из этого омут лжи и обмана». Через некоторое время автор письма попал под сокращение штатов, отец был арестован, семья осталась без кормильца, голодала, и в этих условиях конформизм вошел до предела. «Т. Ярославский, — пишет юноша, — родители мне не страшны, я убежденный ленинец. Постарайтесь похлопотать, чтобы меня приняли в члены РКСМ и помогите мне найти работу. Я пишу вам потому, что вы

³⁶ Подробнее см.: *Левица Н. Б.* Рабочая молодежь Ленинграда: Труд и социальный облик, 1921—1925. Л., 1982; *Всегда в борьбе: Воспоминания ветеранов московского комсомола*. М., 1968. С. 147.

³⁷ Подробнее см.: *Комсомол и молодежь Ивановской области в годы строительства социализма (1928—1940): Сб. документов и материалов*. Иваново, 1969. С. 167; *Славный путь Ленинского комсомола*. М., 1974. Т. 1. С. 430; *Индустриализация Нижнего Поволжья, 1926—1941: Документы и материалы*. Волгоград, 1984. С. 80; *Круглый стол: Советский Союз в 20-е годы // Вопросы истории*. 1988. № 9. С. 33.

мне знакомы по вашим книгам. Ответ ваш для меня вопрос жизни и смерти». ³⁸

Неопределенность социального положения, нередко вызванная резким и быстрым выдвижением в 20-е гг. на руководящие посты в комсомоле лиц по своему психологическому складу часто не склонных к деятельности такого рода, порождала серьезные срывы в среде молодежи. Психологические сдвиги, потеря нравственных ориентиров отчетливо проявляются в письмах «покаяниях», отправленных, в частности, в Ленинградский губернский комитет ВЛКСМ после XIV съезда ВКП(б). Член бюро ВЛКСМ Василеостровского района писал: «Попытки противопоставить меньшинство большинству считаю в корне неправильными. Я призываю всех рабочих ребят последовать моему примеру (порвать с оппозиционной группировкой. — *И. Л.*) сбросить с себя имеющее чувство товарищеской солидарности побить до конца с меньшинством». ³⁹

Нравственные переориентации, пересмотр прежних моральных установок под влиянием политических событий — сложное испытание для неустойчивой психики молодого человека вообще, а тем более для личности без четкой социально-профессиональной принадлежности. Письма молодых рабочих, недавно выдвинутых на комсомольскую работу, ярко свидетельствуют об этом. Представитель ВЛКСМ в Ленгублитпросвете Л. Шарашев подчеркивал в письме, адресованном Ленинградскому губкому комсомола в феврале 1926 г., что состоял в оппозиции, считая, «что вместе „со стариками“ нужно держаться на „старых позициях“». Большую роль сыграло и личное чувство. Создавался авторитет ребят, с которыми рос комсомолец, вместе бывая всегда. . . Можно временно, может быть, ненадолго, но мы оставим меня на работе. . . Тяжело даже такому небольшому активисту, как я, признавать свои ошибки». ⁴⁰ Стремление сохранить свой общественный статус в период острой политической борьбы толкало многих юношей и девушек на полный отказ от прежних предвзятостей о сути человеческих отношений. Как представляется, свидетельства такого рода возможно обнаружить лишь в письмах, и в особенности в неопубликованных.

Документы эпистолярного характера, разнообразные по своей направленности, сугубо личные и адресованные конкретному человеку, подписанные группой молодежи, направленные в общественные организации и инстанции, дают представления о специфике психологии различных групп молодых рабочих, их настроениях, побуждениях, мотивах деятельности, нравственных ориентирах.

Высоко оцененная значимость материалов личного происхождения для изучения психологических характеристик рабочей молодежи, следует подчеркнуть, что нарративные документы обладают чертой, которая вынуждает особенно внимательно анализировать степень их репрезентативности и возможности экстраполяции их информации

³⁸ ЛПА, ф. К-601, оп. 1, д. 736, л. 76—79.

³⁹ Там же, л. 12.

⁴⁰ Там же, д. 733, л. 178.

на всю совокупность изучаемой социальной группы. Дневники, письма и воспоминания несут на себе яркий отпечаток характера человека, их написавшего. Исследователь, использующий нарративные документы, должен решить вопрос о степени типичности черт этой личности, ее духовно-нравственных установок для конкретной социальной общности, к которой она принадлежит. Нередко выдающийся человек по психологическим чертам может быть противоположен своей социальной среде. В связи с этим следует помнить, что далеко не все документы личного происхождения могут явиться источником информации о нравах и привычках масс. Серьезному анализу в данной ситуации должна быть подвергнута сама личность, ее жизненный путь, принадлежность к малой социальной группе, общественно-политический статус. Эти принципы источниковедческой критики материалов, характеризующих настроение рабочих в целом, особенно важны для изучения психологии молодого поколения, биосоциальные характеристики которого подвержены активным изменениям.